

В полузабытьи, на границе сна и яви, Чу Сяо смутно ощущал, как кто-то прикладывает к его лбу прохладное влажное полотенце. Сознание ещё не прояснилось, но подсознание безошибочно подсказывало: это Ло Шичжэнь. Кроме него, никто бы не стал так заботиться.

Боль, прежде разрывавшая тело на части, почти утихла. Чу Сяо был терпелив, но куда мучительнее физических страданий был неумолкающий голос в голове, словно тёмное «я» пыталось вырваться из глубин души.

Чэнь Хэянь при их первой встрече объяснил, что это — следствие загрязнения. Аналог «демона сердца», с которым сталкиваются совершенствующиеся в сянься-романах. Разница лишь в том, что у совершенствующихся он бывает не всегда, а у Пробуждённых энергия Ци пробуждает его в каждом. У кого-то он проявляется сильнее, у кого-то слабее. По сути, Пробуждённые — это иная форма трансформации, просто сохранившая человечность.

Именно поэтому большинство новообращённых Пробуждённых отличались вспыльчивостью и склонностью к негативным мыслям — это было влияние их внутреннего демона. Более зрелые Пробуждённые казались спокойнее не потому, что избавлялись от него, а потому, что привыкали с ним жить.

Чэнь Хэянь, хоть и был удивлён, что Ло Шичжэнь остался незатронутым, не нашёл в этом ничего странного. Характер Ло Шичжэня был слишком светлым и позитивным, чтобы в нём могла зародиться тьма. Это косвенно означало, что в душе Чу Сяо, подверженного влиянию загрязнения, эта тьма была.

Но сейчас Чу Сяо чувствовал лишь покой и умиротворение.

Кто-то вытирал ему лицо. Несомненно, это был Шичжэнь — он всегда был таким чистоплотным и не гнушался помогать другим. Пальцы, не слишком мягкие, с лёгкими мозолями, случайно касались его кожи, и Чу Сяо хотелось, чтобы этот сон длился вечно.

К счастью, разум взял верх. Насладившись мгновением, он медленно открыл глаза.

И встретился взглядом с Ло Шичжэнем, который, низко склонившись, сосредоточенно и нежно вытирал его лицо.

— Чу Сяо, ты проснулся! — на лице Ло Шичжэня расцвела радостная улыбка.

Чу Сяо ответил ему своей. Для него, обычно холодного и сдержанного, это была широчайшая улыбка.

Неважно, насколько сильны были его сомнения и досада, неважно, как сильно задели его слова

о «крёстном отце», — проснувшись и увидев Ло Шичжэня, он почувствовал себя безмерно счастливым.

В этот миг он был абсолютно уверен: хотя Ло Шичжэнь всё ещё мечтал о жене и детях, Сяо Шань больше не представлял угрозы. Он просто поддался панике в момент, когда был на грани трансформации. Ло Шичжэнь, при всей своей уступчивости, был непреклонен в своих решениях. Если уж он, Чу Сяо, за пятнадцать лет не смог его переубедить, то Сяо Шаню за два дня это и подавно не удастся.

Сяо Шань был для него не более чем очередным Чжан Чуанем. Просто другом. А самым важным в жизни Ло Шичжэня, несомненно, был он, Чу Сяо.

Он с нежностью смотрел на Ло Шичжэня, наслаждаясь его обеспокоенным и сосредоточенным взглядом.

— Шичжэнь, ты всё это время был со мной? — спросил он, зная ответ.

— Да, — просто кивнул Ло Шичжэнь. — Врач сказал, что у тебя может кружиться голова, а ночью у тебя был жар. Как ты себя чувствуешь?

Сердце Чу Сяо наполнилось теплом.

— Уже лучше.

— У меня всё ещё есть температура? — как бы невзначай спросил он. — Потрогай лоб.

— Хорошо.

У Ло Шичжэня была привычка, унаследованная от бабушки: сначала он проверял температуру рукой, а если лоб казался горячим, прикладывал своим лбом к лбу больного, и только потом доставал градусник.

Обеспокоенный его состоянием, он тут же наклонился.

С точки зрения Чу Сяо, это выглядело так, словно Ло Шичжэнь медленно приближается к нему. Он прикрыл глаза, расслабившись и предвкушая прикосновение.

И тут за спиной Ло Шичжэня возникло лицо Сяо Шаня.

А за ним — Лу Цюцзиня.

Чу Сяо замер. Покой как рукой сняло.

Сяо Шань перехватил руку Ло Шичжэня, другой открыл ящик тумбочки и бросил на кровать градусник. Встретившись с ледяным взглядом Чу Сяо, он криво усмехнулся:

— Температуру измеряют градусником. Рукой — неточно.

— Это наш деревенский обычай, — процедил Чу Сяо.

Он впился в Сяо Шаня взглядом и отчётливо произнёс:

— Наш с Шичжэнем.

Ло Шичжэнь, не заметивший назревающей бури, кивнул:

— Да, бабушка меня так учила.

Сяо Шань уже готов был высказать Чу Сяо всё, что он думает о его коварных планах, но его прервал Лу Цюцзинь.

— Старшее поколение действительно так делает, — с улыбкой сказал он, обращаясь к Ло Шичжэню. — Но Чу Сяо никуда не торопится. Градусник покажет точнее.

Ло Шичжэнь счёл его доводы разумными. Он достал градусник из футляра и протянул Чу Сяо:

— Держи. Десять минут — и готово.

— У меня нет сил, — опустил глаза Чу Сяо.

— Я помогу! — тут же вызвался Ло Шичжэнь.

Он уже протянул руку, чтобы расстегнуть воротник пижамы, но его снова остановил Сяо Шань.

— Что такое, Старший брат? — недоумённо спросил Ло Шичжэнь.

Сяо Шань, теперь знавший об истинных намерениях Чу Сяо, не мог позволить им сблизиться. Сдерживая отвращение, он сказал:

— Ты и так всю ночь с ним провозился, устал. Давай я.

Ло Шичжэнь растерялся. Поставить градусник — дело нехитрое, какая тут усталость? Но видя энтузиазм Сяо Шаня, он не стал спорить и послушно передал ему градусник.

И тут Чу Сяо, который только что жаловался на слабость, выхватил градусник у Сяо Шаня и сам засунул его под мышку.

— Чу Сяо! К тебе вернулись силы! — обрадовался Ло Шичжэнь. — Отлично! Значит, ты скоро поправишься!

— Угу, — буркнул Чу Сяо. — А что они здесь делают?

Ло Шичжэнь тут же с жаром пересказал ему, как Сяо Шань и Лу Цюцзинь вызвались помочь ему быстрее адаптироваться к энергии Ци.

— Старший брат и Лу Цюцзинь такие отзывчивые! Они даже не пошли в общежитие, всю ночь здесь дежурили.

Ло Шичжэнь не был собственником. Он радовался, что у такого хорошего человека, как Чу Сяо, появляются новые друзья. Чем больше людей будет о нём заботиться, тем лучше. Он наверняка будет тронут, узнав, как все за него переживают.

— Чу Сяо, поблагодари их, — с энтузиазмом закончил он.

Чу Сяо был во всём хорош, но неразговорчив. Получив помощь, он даже не подумал сказать спасибо. Это невежливо. Но ничего, он, Ло Шичжэнь, ему напомнит. Он был готов стать мостиком дружбы между ними.

— Спасибо, — выдавил из себя Чу Сяо.

— Не за что, — скривился Сяо Шань.

— Мы же одноклассники, должны помогать друг другу, — улыбнулся Лу Цюцзинь.

Ло Шичжэнь счастливо смотрел на них. Он любил дружескую атмосферу, поэтому в прежней школе предпочитал общаться с девочками. Перед переводом сюда учитель и Чу Сяо предупреждали его, что у здешних учеников тяжёлый характер. Но пока что ему встречались только хорошие люди. Даже Жун Нянь, который на него накричал, потом извинился.

При упоминании Жун Няня у всех троих одновременно пиликнули часы. Они не пошевелились, и только Ло Шичжэнь тут же посмотрел на свои. Учитель говорил, что сигнал означает важное сообщение от школы. Как прилежный ученик, он со всей серьёзностью относился к школьным объявлениям.

Взглянув на экран, он увидел знакомое имя.

[Уведомление от администрации: Ученик Жун Нянь, находясь под арестом, самовольно покинул и повредил карцер, нарушив тем самым устав школы. Срок ареста удваивается. Просим всех учеников принять это к сведению и способствовать созданию гармоничной, тёплой и полной любви атмосферы в нашем учебном заведении.]

Не успел он переварить новость, как пришло ещё одно сообщение.

[Объявление от директора: Кто ещё раз испортит школьное имущество, будет жить в общежитии на двадцать восемь человек! ^v^]

— Жун Нянь опять нарушил правила. Надеюсь, с ним всё в порядке.

Ло Шичжэнь почесал затылок. В его представлении Жун Нянь был похож на хулиганов из его старой школы, которые прогуливали уроки и сбегали в интернет-кафе. Но учитель Чэнь говорил, что из-за тяжёлого прошлого Жун Нянь не ценит себя и поэтому ведёт себя так вызывающе. К тому же, те хулиганы отбирали деньги у младших, а Жун Нянь вряд ли на такое способен.

Вчера он читал, что Пробуждённые-цзяожэни, как в легендах, могут плакать жемчугом. Если Жун Няню понадобятся деньги, он может просто поплакать.

Но портить школьное имущество всё равно нехорошо. Школа такая добрая, когда он сломал планшет, с него даже не взяли денег. И с Жун Няня, судя по объявлению, тоже не собираются.

Жун Нянь, кажется, был не таким уж и плохим. Когда его попросили извиниться, он извинился. В следующий раз, когда они встретятся, нужно будет сказать ему, чтобы он больше ничего не ломал.

— Опять нарушил правила? — остро заметил Чу Сяо. — Ты так хорошо знаешь Жун Няня?

Сяо Шань, до этого не придавший значения, тоже нахмурился.

— Утром вы ещё не были знакомы.

Они вместе выходили из общежития. Жун Нянь действительно пытался заговорить с Ло Шичжэнем, но он, Сяо Шань, быстро пресёк эту попытку. Потом, в классе, под присмотром заместителя директора, он был спокоен. А потом он пошёл драться с Чу Сяо. Получается, он оставил Ло Шичжэня без присмотра лишь на короткое время. Неужели за эти несколько минут они успели подружиться?

В этот момент они забыли о своей вражде и оба уставились на Ло Шичжэня. Один — с явной настороженностью, другой — с подсознательной.

Лу Цюцзинь, знавший всё, молчал. Он с любопытством ждал, что ответит Ло Шичжэнь.

А тот не видел в этом ничего особенного. Просто помог однокласснику.

— Да ничего такого. Просто Жун Няню не нравятся чужие запахи, а мой нравится. Говорит, я вкусно пахну. Наверное, потому что я часто моюсь.

Он с гордостью за свою чистоплотность и лёгкой самодовольностью от того, что помог, продолжил:

— Вот я и разрешил ему поставить на мне метку.

Тишина.

Атмосфера в палате мгновенно накалилась.

— Метку... — медленно повторил Чу Сяо, закрывая глаза.

— Метку... — сжал кулаки Сяо Шань.

Ло Шичжэнь подумал, что они очень гармонично смотрятся, когда говорят одно и то же. Радясь их интересу, он поделился своим удивительным опытом:

— Да, метку. Я думал, это будет сложно, а оказалось — проще простого.

Он с энтузиазмом продемонстрировал тыльную сторону ладони.

— Жун Нянь лизнул мне руку, и всё.

— Не больно, не щекотно, очень просто!
